
ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Ранней осенью 1941 года Санкт-Петербург, который тогда назывался Ленинградом, был окружен немецкими войсками. Оставалась лишь одна узкая, ненадежная нить, связывающая город с остальной территорией Советского Союза. Для быстрой эвакуации населения или снабжения его на длительный период она была недостаточной. Этим путем также невозможно было одновременно осуществить доставку войск, предметов снабжения для Красной Армии, сырья для ведущих предприятий оборонной промышленности, выпускающих оружие, танки и боеприпасы. Так как русские и немцы однозначно преследовали свои военные цели, то население огромного города в одночасье оказалось брошенным на произвол судьбы. Это привело к катастрофе. Блокада продолжалась почти 900 дней. Она привела к огромным жертвам среди трехмиллионного города. Их численность колеблется от 500 000 до миллиона погибших. Большинство умерли от голода.

Гитлер в ослеплении от своего высокомерия и первых успехов недооценил силы, которые он вызвал к противодействию. Он упустил тот единственный момент, когда существовала возможность ворваться внутрь гигантского города. Себя он видел уже победителем. В действительности же советские и немецкие солдаты к тому времени вообще лишь начали себе представлять, какие им предстояли ожесточенные бои и смертельные трудности.

Информация о блокаде, как эта катастрофа Ленинграда называется в России, всегда производила на людей такое ошеломляющее впечатление, что они дальше уже не задумывались над тем, что предпринимала Красная Армия,

чтобы освободиться от удушающей хватки осаждавших, и что делал германский вермахт, чтобы сломить сопротивление осажденных. Действительно, едва ли можно провести параллель с ужасающими трудностями боев в лесах и болотах, на залитой водой или засыпанной снегом местности, в неподдающихся воображению погодных условиях. Сотни тысяч людей при этом потеряли жизнь или здоровье. Только с советской стороны погиб в ходе всей битвы за Ленинград почти миллион солдат.

Того, что происходило в то время, поистине достаточно, чтобы у последующих поколений перехватило дыхание: никакого воображения не хватит, чтобы представить себе драматизм тех событий. Тем не менее контраст между тем, что тогда происходило, и тем, что с той поры об этом распространялось, становился с каждым годом все более поразительным.

Для тех, кто клеймит «типично фашистский метод» притеснения целых народов, рас и этнических групп, очевидным является то, что немцы атаковали и окружили Ленинград лишь только для того, чтобы по воле Гитлера сравнять его с землей, а население истребить. Мысли о том, что более естественными и закономерными были бы трезвые, логичные рассуждения о необходимости захвата города и порта, являлись запретной темой и не подходили к развенчанию мифов.

Кто осмеливался исследовать: а может быть, агрессоров все-таки волновали вопросы, как обеспечить выход из города невинных граждан или как избавить их от голодной блокады, учитывая, что это столетиями соответствовало обычаям войны и военному праву?

Кто проверял, а не было ли задуманное Гитлером разрушение огромного числа домов уже потому чистейшим бахвальством, что реально для этого не хватило бы снарядов, бомб, орудий и самолетов? Да и хотя бы даже потому, что оружие и военная техника были намного нужнее в боях против противника, полного решимости защитить этот город?

А кто изучал вопрос: не был ли осведомлен Сталин о намерениях и планах Гитлера и германских офицеров Генерального штаба в отношении Ленинграда и не опреде-

лил ли он в связи с этим свою позицию? Разве не было очевидным, что военная промышленность, складские мощности, порт, верфи, железнодорожные помещения и коммуникации, казармы и здания органов управления неизбежно превратили бы огромный город, расположенный между Финским заливом и Ладожским озером, в горячую точку военных действий? Не следовало бы тогда задать вопрос, а достаточные ли меры были приняты в соответствии с данным стратегическим значением города, чтобы спасти матерей, детей, стариков, немощных людей?

Известно, что, начиная с 29 июля и до конца 1941 года, уже были эвакуированы 636 000 человек. Затем, в промежутке между январем и октябрём 1942 года, ещё 961 000 человек. Но в то же время утверждается, что для вывода из города оставшегося количества людей времени не хватило. Когда-нибудь это проверялось? В 1945 году миллионам немцев пришлось в течение нескольких часов оставить родину, дом, имущество, отправиться в невыносимо тяжелых условиях на Запад и тем самым в большинстве своем спастись. Мировая общественность нашла это само собой разумеющимся.

Немецким беженцам удалось прорваться на Запад, несмотря на начавшийся беспорядок, несмотря на то, что партийные функционеры препятствовали своевременной эвакуации, несмотря на завалы на дорогах, атаки с воздуха, фанатичные призывы к сопротивлению, панику, произвол и коррупцию. Не является ли близким к истине предположение, что бездейственное катастрофическое положение людей в подготовленном к взрыву Ленинграде еще больше усугубили мания величия, бессовестность и просто некомпетентность ответственных лиц. Может быть, даже именно это и вызвало катастрофу? Такого рода вопросы, которые находятся исключительно в области познания человеческой природы, а не идеологии, в Германии заглушаются криками о признании своей вины.

Лишь сегодня стали доступными фотографии из советских архивов, показывающие нам производство пирожных и конфет на ленинградских кондитерских фабриках для партийной элиты в Смольном. Датированы они декабрём 1941 года, когда ежедневно от голода уже умирали сотни

людей. То есть пряник — для красных господ, кнут и смерть — для народа, которого 21 августа призвали соблюдать «строжайшую революционную дисциплину». Кому хотелось тогда думать о спасении женщин и детей, о питании и эвакуации? Об этом не было речи также и 9 сентября, когда маршал Климент Ворошилов по поручению Сталина отдал приказ о том, что «красный Ленинград должен защищаться до самого конца, ни в коем случае не прекращая военного производства». Но о том, что произошло бы с жителями, если бы подготовленный к взрыву город действительно превратился в развалины в случае вторжения в него немцев, не было сказано ни слова. Не являлись ли здесь первостепенными идеологические и военно-политические интересы в отличие от принципов гуманизма?

Разумеется, речь не идет о постановке циничного вопроса, были ли русские более «прилежными» беженцами, чем немцы спустя четыре года? Можно ли было в чём-нибудь упрекнуть ленинградцев? В том, что некоторые как фанатичные коммунисты, другие как русские патриоты не хотели уходить из города, потому что думали отдать свои силы защите своей Родины? Александр Вирт, урожденный русский, британский корреспондент газет и радио в Москве, пишет: «Уже во время войны было ясно, что где-то были допущены очень большие просчеты. Трагическая ситуация возникла из-за целого ряда закономерных ошибок. Руководству не хватило прозорливости, оно не думало о том, чтобы заблаговременно сделать запасы самого необходимого».

Впрочем, из всего огромного количества вопросов, утверждений, скоропалительных обвинений, враждебных выпадов в конце концов осталось очевидным лишь одно: Сталин, противопоставив Ленинград немецкой 18-й армии, тем самым обрек на смерть часть ленинградцев, но он сковал немецкие войсковые соединения, укрепил героическим примером города волю к сопротивлению и боевой дух красноармейцев. И, возможно, даже спас Москву. Сегодня это можно услышать в Санкт-Петербурге. Какую роль играл Гитлер в этих судьбоносных событиях и в удивительном самовывживании города, здесь не говорится.

Ясно одно: холодному расчету командования наступавших войск противостояла непреклонность красного партийного аппарата внутри города. Те, кто стараются построить свои доводы на контрастном изображении, такие нюансы не берут в расчет. Но может ли трезвое восприятие таких процессов преуменьшить трагизм и стойкость ленинградцев, умалить пагубность расовой войны Гитлера, оправдать террор Сталина?

С каждым годом во имя духа времени все глубже задвигалось все то, что могли рассказать очевидцы тех событий. Оставались легенды, измышления, словесный мусор. Тем временем все громче звучат вопросы новых поколений, недовольных модным забвением истории, усердной односторонностью и нелепым обобщенным порицанием.

Сбитые с толку, они спрашивают: действительно ли немецкие солдаты со злорадством наблюдали за страданиями несчастных ленинградцев, с душевным спокойствием ждали их гибели? Разве русские не защищали свою жизнь? Были ли они неспособны оборонять один из самых главных городов своей Родины? Тем самым навязчивые идеи известных фальсификаторов истории о «преступном» немецком поколении отцов и дедов заставляют с помощью искаженных фактов подозревать жертв войны с обеих сторон в совершении постыдных поступков. Более того, они поддерживают живучесть тезисов о «глупых и безвольных большевистских массах», являвшихся в то время в Великой Германии ненавистным стереотипом военной пропаганды. Этого может быть достаточно в качестве примера.

О том, что в действительности немецкие солдаты ни единой минуты не были рады своей роли в качестве оккупантов, о том, что они истекали кровью в ожесточенной борьбе за Ленинград, об этом необходимо сегодня рассказать, проведя основательные исследования и не умаляя духа самопожертвования русских и их способности переносить страдания. В действительности как немцы, так и советские люди были инструментами и жертвами Гитлера и Сталина, в руки которых была отдана история. Кто может прояснить мотивы, по которым народы из благих побуждений и с готовностью самопожертвования начали воевать друг против друга? Ни злонамеренная клевета на

поколения, ни их героизация не помогут прояснить этого вопроса. Буквально такие слова можно сегодня услышать также и в Санкт-Петербурге.

Сегодня мы можем также отказаться от затасканной формулировки о вероломном немецком нападении на Советский Союз 22 июня 1941 года, поскольку полюбившийся невроз вины уступает трезвой оценке. По крайней мере с открытием московских архивов нам стало известно, что обе стороны готовили нападение друг на друга. А 8 мая 1991 года «Правда» ошеломила нас признанием: «Вследствие переоценки собственных возможностей и недооценки противника перед войной были выработаны нереалистические наступательные планы. В их интересах началось формирование группировки советских Вооруженных сил на западной границе. Но противник упредил нас». Даже если мы при этом не будем принимать во внимание неуклонно возрастающую в те годы производственную мощь военной промышленности Советского Союза, то все равно это звучит честнее, чем причитания Ильи Эренбурга 8 февраля 1942 года: «Сталин не думал нападать на территории других народов. Мы занимались воспитанием человека, в то время как Гитлер строил танки!»

Вопросом «Кто начал?» серьезные исторические исследования не ограничиваются. Конфликты имеют свою предысторию, они не возникают из ничего. Это не означает, что следует преуменьшать опасность таких факторов, как ненависть и низменные инстинкты. И этим никогда не оправдать преступлений, откуда, где и когда бы они не исходили. Действительно, нет никакого смысла спорить по поводу слов Сталина, произнесенных им в мае 1941 года в речи перед слушателями военных академий, о возможной наступательной войне против Германии и о завершении этапа миролюбивой советской политики. Сталин сказал буквально следующее: «Война будет вестись на территории противника!» Однако он рассчитывал на начало военных действий самое раннее в конце 1941 года, и в этом смысле так называемое «вероломное нападение» было, конечно, страшным сюрпризом. Но почему Сталин не обращал внимания на все предостережения об агрессии Гит-

лера, в веских свидетельствах которых не было недостатка? Убедительного решения этой загадки найти я не смог.

Известно, что в Подольском архиве под Москвой находятся советские и трофейные немецкие оригиналы документов периода подготовки к войне с обеих сторон. Они могли бы пролить свет на сохраняющийся до сегодняшнего дня полумрак, окружающий события перед началом военных действий в 1941 году. В первую очередь российские историки настойчиво пытаются получить доступ к этим бумагам. До сих пор их попытки не увенчались успехом, хотя доказано, что их влечет не идеологическое рвение, а лишь сугубо научно-исследовательское стремление.

Нам также известно, что на западном советском направлении многие генералы Красной Армии, которых немецкое нападение захватило врасплох вместе с их соединениями, имели в своем распоряжении лишь мелкомасштабные карты русской приграничной территории и западных районов Советского Союза. Это существенно затруднило ведение оборонительных операций против немецких войск. Но когда немцы перешли границу, во всех советских штабах в огонь стали бросать стопки карт восточных немецких районов, включая Центральную Европу. На приграничных вокзалах такие карты вагонами попали в руки немецких передовых частей.

Остается только ждать, когда отдельные ведущие наши мыслители подобные факты начнут использовать для доказательства нового русского демократического мышления и миролюбивой сталинской политики.

Гитлер был в такой же малой степени «Отцом народа», как и Сталин. Его безумная идея уничтожить Ленинград как «колыбель большевизма» вместе с жителями отвечала его притязаниям на власть. Разве он не заявлял уже в 1925 году в своей книге «Майн кампф», что хочет остановить извечное продвижение германцев на юг и запад Европы и устремить взгляд на страну, лежащую на востоке? Сегодня мы слышим о том, что он выразил сокровенные мысли «немцев»: будто бы они в условиях разрухи после Первой мировой войны, результатом которой стали мстительно составленные «мирные договоры», имели лишь одну заботу — поскорее начать «германские походы». И мы

читаем, что офицеры и солдаты армии, осаждавшей Ленинград, скорее всего, имели представление о размере бедствий в городе и знали о намерении разрушить его полностью. Нам говорят, что журнал боевых действий группы армий «Север» подтверждает это. Не витает ли в этих словах вновь, как призрак, упрек в коллективной вине, за которую так ловко прячутся истинные вершители злодеяний?

В действительности у солдат и войсковых офицеров едва ли было время думать об этом. Они предполагали, что имеется намерение захватить город после устранения опасности дистанционных подрывов (самоуничтожения важнейших объектов. — Ю.Л.), установив в нем административный порядок, ведя себя в нем так, как они делали до этого в других городах. Такие планы в деталях уже были проработаны в крупных штабах. Целыми стопками лежат они сейчас в архивах среди других документов. Даже проект пропуска, который ленинградцы должны были носить с собой после захвата города, можно обнаружить среди материалов 18-й армии. А как же тогда быть с журналом боевых действий? Он велся в штабе группы армий «Север», в состав которой входили около 500 000 человек, и считался строго секретным документом. Самое большее, несколько сотен человек, предположительно, на основе допросов военнопленных и докладов агентуры, могли знать об ужасающей борьбе ленинградцев со смертью. Отдельно взятый солдат едва ли мог оценить весь масштаб происходящего.

К началу советского наступления на Волхове в январе 1942 года — первой массивной попытке Красной Армии разорвать блокаду Ленинграда — в немецких штабах уже, правда, говорилось, что в Ленинграде царит голод. Поэтому наступавших русских подгоняло время, и следовало ожидать, что они не будут считаться ни с какими потерями. Но кто из немецких солдат мог вообразить себе, что на улицах города жители действительно замертво падали от голода?

Писатель Даниил Гранин, в то время 22-летний солдат одного из ленинградских батальонов народного ополчения, а затем офицер-танкист, воевавший под Кенигсбергом, рассказывает об одном пленном немце, которого вел на допрос по улицам города. Тот все время бормотал: «Этого

не может быть. Я вижу всего лишь сон...» Но ведь также нет никаких свидетельств того, что кто-либо из красноармейцев, осаждавших, разрушавших и «освобождавших» Кенигсберг, испытывал чувство сострадания и помогал тем несчастным 25 процентам жителей, которые смогли уцелеть. А было ли в Грауденце, Шнейдемюле, Бреслау и Берлине по-другому? Достойные восхищения такие гуманисты, как Лев Копелев, поплатились за свое человеческое отношение советскими штрафными лагерями. Кому, собственно говоря, идет на пользу то, что мы возлагаем как груз исключительно на некоторые поколения нашего народа повсеместно распространенный недостаток человеческой природы, а именно — отсутствие воображения и фантазий?

Гитлер остерегался открыто провозглашать войну с Россией как поход в целях порабощения и уничтожения людей. Смертельные последствия его расовой идеологии должны были сохраняться в тайне от всего мира. Просачивавшаяся информация безжалостно пресекалась, и даже за границей ее воспринимали как неправдоподобную. Сегодня, после того как русскими архивами был подтвержден масштаб сталинских злодеяний, эти темы дискутируются уже в открытую, что, разумеется, не оправдывает масштаба немецкого оккупационного господства в Советском Союзе.

Как вели себя высокие военные чины, когда им стали известны планы штаб-квартиры фюрера пресекать с применением оружия попытки населения вырваться из Ленинграда? Если некоторые из них склонялись к тому, чтобы рассматривать такие намерения как решение чисто технической проблемы тыловых служб, а не как вопрос морали и чести, то они заблуждались. Такой войне их не учили. Хотя они знали, как беспрекословно выполняются бессмысленные приказы, и то, как Гитлер издевательски говорил, что «консервативные офицеры сухопутных войск хотели бы превратить профессию солдата в церковный амвон». Но гражданские лица редко становились объектом их мыслей. Они прежде всего воспринимались, как помеха при ведении боевых действий, как рабочая сила, заложники, объекты, которые служили для использования. Поэтому генералы думали о солдатах лишь в одном аспекте. Их беспокоило,

каким грузом это ляжет на психику солдата, если ему прикажут применить силу против безоружных людей. Они учитывали такой фактор, как угрызения совести, и видели в этом серьезную опасность для поддержания дисциплины и боевого духа. Некоторые опасались, что из-за этого могут быть надолго утеряны такие понятия, как порядочность и выдержка.

Ленинградцы находились в смертельном положении. Йоахим Хофманн ссылается в своей книге «Сталинская беспощадная война 1941—1945» на приказ Сталина от 21.9.41 г., который был доведен в Красной Армии вплоть до полкового звена. Поводом были неподтвержденные донесения Жукова, Жданова и других о том, что немецкие войска начали посылать в Ленинград женщин, детей и стариков, которые просили прекратить бои и сдать город. Сталин ответил, что против таких просителей следует открывать огонь, они опаснее фашистов: «Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они ни были!»

Сегодня историки, изливающие свою персональную ненависть на поколение отцов как нацистов, поучают нас в виде тезиса о коллективной вине, что вермахт — это убийца.

Тем самым почти двадцать миллионов немцев обвиняются в тяжких преступлениях. Давайте противопоставим этому шедевру ярлыков образ, который создал Якоб Буркхардт, занимаясь историей. У него речь идет о человеке, «каков он был, есть и будет» — то есть со всеми его, в том числе и отрицательными, характеристиками. Низость и кровожадность — это чисто человеческие недостатки, но никак не национальные качества. С подобным криминальным отребьем вынужден сосуществовать любой народ. Уголовные элементы можно найти среди любых слоев, в любой толпе людей, да даже в каждой армии, причем всегда. Кто бы мог при этом всерьез утверждать, что в вермахте такого отребья не было?

Говорится, что «огромное количество немецких солдат послушно и безмолвно принимали участие в явно выраженных преступлениях». В этом нет каких-либо новых научных открытий. Но какое же все-таки это «огромное количество»? Подход с определенной меркой к данному вопросу, разумеется, совершенно не означает сокрытия

постыдных фактов или прославления смертоносных оргий. Но не даст ли сравнение с преступлениями Красной Армии более точную и честную картину войны на уничтожение, которая бушевала между обеими воюющими сторонами и которую они обе, бесспорно, вели самым безжалостным образом? И до этого любая война развязывала зверства. И до этого всегда жестокость порождала жестокость. А как часто фанатизм играл при этом губительную роль? Военная дисциплина подавляет слабости характера и морали, но она их не устраняет. То есть подонки остаются такими и в военной форме. Садизм сидит в голове, а не в одежде. Дисциплина способна вызвать сверхчеловеческие достижения. Но она может также, если ею пренебрегают или используют в низких целях, привести к античеловеческому террору. Примеры этому постоянно возникают и после 1945 года.

Конечно, тут же встает вопрос, почему те, кто знал о преступных намерениях, не выступили сразу же и всеми средствами против этого? Разумеется, им будет дана оценка по самым высоким моральным критериям, которые некогда с гордостью взял на вооружение офицерский корпус. Но не кажется ли просто смешным подобный упрек со стороны наших современников, которые оправдывают характерные ошибки термином «изменение ценностей», а нечто само собой разумеющееся отождествляют с «вторичными добродетелями»? О том, что произошло с теми, кто пытался противодействовать, зная при этом, что они сжигают все мосты за собой, можно долго размышлять, побывав во дворе здания «Бендерблок» в Берлине, где были расстреляны Штауффенберг и его друзья, или взглянув на крюки для разделанного мяса в тюрьме Плетцензее, на которых в мучениях умирали военнопленные, участвовавшие в заговоре против Гитлера.

Я принадлежал к солдатам группы армий «Север». Тогда мне только исполнилось 19 лет, и я был винтиком в военной машине. О бедствиях Ленинграда я еще ничего не слышал. Я также не представлял, насколько малы были мои шансы на выживание, на то, что я не останусь калекой. Видя себя в том времени, я не испытываю стыда, но и не ощущаю особой гордости. Из каждой сотни юношей нашего

призывного возраста 35 человек погибли, многие были ранены, ни один не избежал тяжелых психологических последствий.

Так зачем же сегодня необходим этот взгляд назад? Многие ведь горят желанием предать прошлое забвению и лицемерно откреститься от него, перестать задумываться, отрешиться от самопознания.

Ответ очень прост: память народов невозможно уничтожить. Тот, кто знает мир, тот способен рассказать о нем. С другой стороны предубеждения тоже являются повсеместно ходовым товаром. Они искажают картину, которую создают немцы и русские друг о друге. Горестные воспоминания и застывшие клише холодной войны, видимо, еще долго не будут преодолены. Но поскольку нам не помогут идти дальше вперед ни причитания о виновности, ни утешения, то вначале необходима ясность.

Лишь того нельзя ввести в заблуждение, кто обладает знаниями. Такой человек способен свободно давать оценку и действовать. Отсюда данный рассказ приобретает особую актуальность. Он проясняет небольшой отрезок из фазы современной истории, который не может забыть ни один из русских людей и который надеются забыть многие немцы. Речь идет не о толковании тонких ходов на шахматной доске стратегов, не о представлении высоких подвигов и чувств. Мною движет вопрос, что означали в той мрачной повседневной действительности, для такого большого числа людей, в те судьбоносные годы горы планов операций, протоколов, статистических данных, донесения об обстановке, успехах и потерях, аналитические данные, обвинения, оправдания, на основе которых сегодня мы пытаемся проследить события и историю. И почему эта история и сегодня все еще так сильно воздействует на мысли, чувства, поступки народов?

Ленинград, теперь вновь Санкт-Петербург, представляется наиболее подходящим в этом смысле городом, потому что он, как пишет философ Эрвин Шаргафф, наряду с Верденом, Сталинградом, Освенцимом, Дрезденом и Хиросимой, принадлежит к самым эпохальным символам нашего столетия. Но также и потому, что он наглядно показывает, что означал в то время второстепенный те-

атр военных действий. Во всяком случае таким хотел его видеть Гитлер.

Этот рассказ возник из бесед с теми, кто пережил то время, из ответов на вопросы молодых людей, из архивных документов, хроник, дневников и, не в последнюю очередь, из собственного опыта. Возможно, он будет способствовать тому, что немцы и русские увидят друг друга в менее искаженном свете и что мы, наконец, начнем искать в большей степени не то, что нас разделяет, а вновь откроем то, что нас объединяет.

*Март 2001 года
Хассо Г. Стахов*